ОСНОВА

1861

АВГУСТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.»
Владимiръ Мономахъ.

1861

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ТИБЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Сентября 22 дня, 1861 года

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМА г. МАКСИМОВИЧА КЪ г. ПОГОДИНУ О НАРѢЧІИ МАЛОРУССКОМЪ (¹).

Горячо сочувствуя вопросу, рѣшаемому г. Максимовичемъ въ только—что прочитанныхъ мною письмахъ его къ М. П. Погодину, въ 3-й книжкѣ Русской Бесѣды, и имѣя намѣреніе высказать свои замѣчанія,

(¹) Помѣщаемое ниже письмо автора къ г. Погодину объясняетъ, почему такъ-поздо является въ печати статья, написанная 4½ года тому назадъ. Г. Погодинымъ она была передана г. Костомарову, отъ котораго поступила къ намъ. Помѣщаемъ ее не какъ выраженіе мнѣнія редакціи по вопросу о Южнорусскомъ языкѣ, а какъ личное мнѣніе автора, могущее вызвать возраженіе, а можетъ-быть — и разрѣшеніе вопроса, весьма любопытнаго въ настоящее время, когда—съ одной стороны — Великороссы, а съ другой — Поляки — усматриваютъ въ древней южнорусской письменности начатки своихъ собственныхъ языковъ и не признаютъ, въ то же время, признаковъ языка мѣстнаго. Г. Лавровскій весьма часто ссылается на Новгородскія лѣтописи; но вспомнимъ мнѣніе, высказанное недавно г. Костомаровымъ *(Основа*, январь, стр. 143 и 144), о поразительномъ сродствѣ между новгородской и южнорусской народностью. — *Ред.*

«Милостивый Государь, Михаилъ Петровичъ!

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, 1856 года, я имѣлъ удовольствіе послать вамъ письмо, по прочтеніи доставленныхъ мнѣ кн. Голицынымъ корректурныхъ листовъ письма вашего къ И. И. Срезневскому, напечатавшаго потомъ въ «Извѣстіяхъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ».

Въ этомъ письмѣ незначительною долею коснулись вы и моего разсужденія, 1832 года, въ которомъ высказалъ я мнѣніе о несуществованіи на югѣ Руси, въ древнее время, нарѣчія малорусскаго. Возобновляя это мнѣніе, какъ самый первый его виновникъ, вы, въ упомянутомъ письмѣ къ г. Срезневскому, сдѣлали и упрекъ на счетъ мой и Измаила Ивановича, что такъ невнимательны мы къ столь важному вопросу и не продолжаемъ своихъ занятій нарѣчіемъ малорусскимъ.

Упрекъ такой показался мнѣ совершенно несправедливымъ, и въ письмѣ на ваше имя, въ 1856 году, я считалъ обязанностью высказать, что, во первыхъ, званіе профессора славянскихъ нарѣчій вовсе еще не служитъ ручательствомъ въ обработкѣ такого предмета, гдѣ главный матеріалъ разсѣянъ въ массѣ народной, на огромномъ пространствѣ, — а средства профессора русскаго университета едва достаточны, чтобы существовать, а не дѣлать, при всей задушевной готовности, ежегодныя экскурсіи по городамъ и деревнямъ ближайшихъ и отдаленныхъ губерній. Харьковъ же, мѣсто моей службы, слиш-

не съ цѣлію отстоять себя или задѣть за живое противника, а единственно съ желаніемъ дойти, по возможности, до истиннаго рѣшенія этого вопроса, я позволяю себѣ прежде всего ограничить предметъ для

комъ *цивилизованный* городъ, чтобы найти хотя какое-нибудь вознагражденіе на его базарахъ и рынкахъ. Во-вторыхъ, тамъ, гдѣ матеріалъ находится подъ рукою, будучи обнародованъ въ печати, профессоры не упускаютъ случая пользоваться имъ какъ можно скорѣе, и, въ доказательство, я указалъ вамъ тогда на свою статью, посланную въ концѣ 1853 года въ Петербургъ. Вотъ слова мои въ письмѣ къ вамъ: «эта статья еще въ ноябрѣ прошлаго года была отправлена въ редакцію журнала министерства народнаго просвѣщенія; быть можетъ, она уже и отпечатана быть можетъ, вы ее уже и пробѣжали, но какъ я ничего этого не знаю, то я считаю долгомъ выписать изъ нея нѣсколько строкъ заключенія.» Не моя вина, что мои замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи появились въ печати только черезъ четыре года, въ половинѣ 1859-го. Изъ прилагаемаго теперь вамъ оттиска вы увидите, что еще до прочтенія корректурныхъ листовъ вашего письма къ г. Срезневскому, я, на основаніи данныхъ языка, вывелъ заключеніе о ближайшемъ родствѣ южно-русскаго языка съ южно-словянскими, что нашелъ вполнѣ возможнымъ объяснить продолжительнѣйшимъ сосѣдствомъ и сожительствомъ южно-русскаго народа съ Сербами и Хорватами въ первобытной ихъ родинѣ, въ Карпатахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ старался подтвердить я и прежнюю свою мысль о несуществованіи на югѣ Руси, до XIII—XIV стол., малорусскаго языка какъ особеннаго отъ великорусскаго.

Между тѣмъ, въ ту пору, какъ статья моя лежала въ неизвѣстности, появились въ Русской Бесѣдѣ и письма къ вамъ г. Максимовича, имѣвшія задачею опровергнуть ваши доводы въ письмѣ къ г. Срезневскому и доказать исконность на югѣ Руси малорусскаго нарѣчія и даже несомнѣнное отраженіе его особенностей въ старинной письменности русской.

Въ отвѣтной статьѣ своей, вы снова упрекнули и Измаила Иваныча и меня въ неучастіи къ вопросу и прямо вызывали насъ на оцѣнку филологическихъ доказательствъ г. Максимовича. Но и въ настоящемъ случаѣ, упрекъ также оказался несправедливымъ. Едва только прочтены были одиннадцать писемъ съ припискою г. Максимовича, какъ уже отвѣтъ мною былъ приготовленъ и тотчасъ же посланъ въ ту же редакцію, въ Петербургъ. Отвѣтная статья ваша появилась въ Харьковѣ мѣсяца черезъ два послѣ этого. Къ немалой досадѣ, и «замѣчанія на письма г. Максимовича» постигла участь нисколько не лучшая, какъ и статью о малорусскомъ нарѣчіи. Мнѣ оставалось лишь удивляться нежеланію редакціи возвратить мою статью и, въ заключеніе, невозможности найти ее въ ней, когда явился я самъ лично туда, во время проѣзда черезъ Петербургъ изъ за границы, въ ноябрѣ 1860 года.

Во время этого проѣзда имѣлъ я удовольствіе посѣтить и васъ въ Москвѣ. На вашъ вопросъ о малорусскомъ вопросѣ, я въ сжатомъ видѣ сообщилъ все, что̀ описываю теперь въ подробностяхъ.

Вы высказали желаніе познакомиться съ моимъ отвѣтомъ г. Максимовичу; съ полною готовностью посылаю его Вамъ и въ томъ неизмѣнномъ видѣ, какъ вышелъ онъ изъ-подъ моей руки 8 декабря 1856 года. Позволяю вамъ распорядиться имъ, какъ найдете вы полезнымъ. 10 генваря, 1861 года. *П. Лавровскій.*

своихъ замѣчаній. Такихъ предметовъ два въ письмахъ г. Максимовича: одинъ составляетъ опроверженіе высказаннаго г. Погодинымъ тожества великорусскаго нарѣчія съ церковнославянскимъ, другой — опроверженіе также тожества сѣвернорусскаго и южнорусскаго нарѣчій въ древнее время, до XIII вѣка, или иначе–опроверженіе мысли, будто малорусскаго нарѣчія вовсе не извѣстно въ древней южной Руси, будто оно появилось въ ней только послѣ погрома Татарскаго, съ запада, съ Карпатовъ, съ Волыни и Подоліи, вмѣстѣ съ колонизаціею народа на востокъ въ опустошенныя страны. Перваго предмета я не намѣренъ касаться вовсе, признавая въ глазахъ каждаго филогога несомнѣнно очевиднымъ отличіе нарѣчій церковнославянскаго и древнерусскаго и невозможность отожествленія ихъ; имѣю въ виду лишь второй предметъ, и то одну часть его, именно: отразилось, или нѣтъ, въ письменности русской, въ давнее время, нарѣчіе малоруское, и въ чемъ оно могло положительнѣе и убѣдительнѣе всего высказаться. Разселеніе малороссіянъ съ запада на востокъ оставляю въ сторонѣ.

Г. Погодинъ, повторяя отзывы объ этомъ изъ приводимыхъ имъ изслѣдованій въ письмѣ къ г. Срезневскому, не только согласился съ ними, но и прибавилъ, что и самъ онъ, собственнымъ своимъ чтоніемъ памятниковъ, дошелъ до того убѣжденія, что въ этихъ памятникахъ, хотя писанныхъ и на югѣ, нѣтъ рѣшительно ничего что́ бы говорило положительно въ пользу нарѣчія малорусскаго. Г. Максимовичъ, считавшій для себя почему-то неумѣстнымъ возражать противъ этой мысли прежде, высказвнной еще въ 49 году, быть можетъ, потому, что за мухой не съ обухомъ, за комаромъ не съ топоромъ, въ 56 году, съ обнародованіемъ письма г. Погодина, прервалъ свое молчаніе и, въ письмахъ съ припиской представилъ свои опровершенія положеній г. Погодина и доказательства противнаго, что малорусское нарѣчіе исконно, что и въ первыхъ произведеніяхъ письменности, хотя и церковнославанской въ основѣ, оно выразило себя отличительными чертами. Вѣроятно, филологи порадовались предѣлу молчвнія г. Ма́ксимовича по этому вопросу; да и нельзя не порадоваться тому, кто высказываотъ убѣжденія не ради заманчивости новизны, не для краснаго словца, а съ мыслію и желаніемъ добраться до наотоящаго толку въ изслѣдуемомъ вопросѣ и уяснить дѣло та́къ, ка́къ оно дѣйствительно было, а не какъ оно могло быть, или какъ намъ бы хотѣлось, чтобъ оно было. Безъ противорѣчія же, безъ опроверженія, достигнуть этого желанія трудно; молчаніе въ подобномъ случаѣ мо-

жетъ скорѣе повредить, давъ собою новую опору стоять за справедливость мнѣнія высказаннаго, иногда быть можетъ и наскоро и безъ глубокаго сознательнаго убѣжденія.

И г. Максимовичъ пятилѣтнимъ молчаніемъ своимъ только остановилъ вопросъ на цѣлыя пять лѣтъ. Радуясь съ другими разрѣшившемуся языку г. Максимовича, хотя и не какъ привиллегированный филологъ, а какъ живо сочувствующій дѣлу, я съ жаромъ и съ сильнымъ любопытствомъ пробѣжалъ его письма и тутъ же взялся за бумагу и перо, чтобы не дать остыть своему жару и немедленно передать свои замѣчанія.

Скажу прежде всего нѣсколько словъ о способѣ, какимъ, по моему разумѣнію, возможно при настоящемъ вопросѣ доказывать тó или другое, существованіе или отсутствіе въ южной Руси нарѣчія малорусскаго въ древнее время. Страннымъ показалось мнѣ, да, думаю, не менѣе страннымъ покажется и другимъ, что г. Максимовичъ, которому въ извѣстности по филологіи, конечно, никто не рѣшится отказать, опровергая своего друга—академика, въ число доказательствъ помѣстилъ и нѣсколько словъ изъ древнихъ южно-русскихъ памятниковъ, какъ исключительно малорусскихъ и, слѣдовательно, своимъ присутствіемъ указывающихъ на существованіе малорусскаго нарѣчія и въ древнее время. Какъ историкъ, г. Погодинъ, естественно, могъ поражаться при чтеніи южной лѣтописи и другихъ произведеній южной древней литературы подборомъ словъ, которыя, тамъ-сямъ, разбросаны *всѣ* и въ памятникахъ сѣверной литературы и между которыми не отозвалось ни одно чѣмъ-либо, только или по преимуществу, малорусскимъ; въ силу этого впечатлѣнія, онъ счелъ себя въ правѣ, между прочимъ, взять во вниманіе и это обстоятельство,—отсутствіе исключительныхъ словъ малорусскихъ,—какъ подтвержденіе своего положенія о несуществованіи, въ южной Руси, до XIII вѣка, нарѣчія малорусскаго. Но чѣмъ могъ поражаться историкъ, то, въ глазахъ филолога, можетъ не вести иногда ни къ какому результату. Составъ языка, разумѣя подъ этимъ его лексиконъ, въ самобытной основѣ своей, въ корняхъ словянскихъ, есть общее достояніе цѣлаго племени. Поэтому, причислять тó или другое, чисто-словянскаго происхожденія, слово одному поколѣнію, нарѣчію, и отнимать его у другихъ или у другаго, для всей исторической жизни языка, уже по одному этому разсужденію, было-бы крайне неосторожно, неосновательно; а, принимая въ соображеніе словари древнихъ памятниковъ по нарѣчіямъ и

областныя рѣченія, въ которыхъ чѣмъ внимательнѣе изслѣдываютъ ихъ, тѣмъ больше и больше открывается словъ и древнѣйшихъ и общихъ съ другими родственными нарѣчіями, хотя и забытыхъ въ языкѣ книжномъ, литературномъ,—и несправедливо. Какая можетъ быть порука для филолога утверждать исключительную принадлежность, съ отдаленнѣйшихъ поръ, нарѣчію извѣстнаго слова, несомнѣнно славянскаго происхожденія? Рѣшительно никакой. Но изъ этого основнаго состава, корней, развиваются семьи словъ, для выраженія понятій болѣе частныхъ или ихъ оттѣнковъ, чрезъ приставки, окончанія или сложенія двухъ, трехъ и болѣе словъ; способъ такого развитія представляетъ уже различіе по нарѣчіямъ, которое можетъ и должно-быть принято въ соображеніе для ихъ характеристики. Но основный составъ языка, общій цѣлому племени нѣкогда, не можетъ оставаться навсегда единственнымъ его богатствомъ, со стороны лексической; при самобытномъ развитіи народа, при увеличеніи и усовершенствованіи его понятій, языкъ можетъ легко обойтись безъ заимствованій, какъ это дѣйствительно и бываетъ, выработывая изъ основнаго матеріала, посредствомъ свойственныхъ ему способовъ, новыя слова, для выраженія возникшихъ новыхъ понятій.

Но — съ одной стороны, неизмѣннымъ, постояннымъ, самобытнымъ развитіемъ едва-ли можетъ похвалиться какой-либо народъ, не исключая и Китайцевъ, съ другой—и при немъ, въ слѣдствіе близкаго сосѣдства съ иными народами, въ слѣдствіе общенія съ ними, враждебнаго или дружелюбнаго, весьма естественъ переходъ словъ и чужихъ. Такъ и у народовъ славянскихъ могли появиться въ словарѣ рѣченія иноземцевъ, смотря потому, кто былъ ихъ сосѣдомъ, и въ этомъ отношеніи, при обширной разселенности Славянъ, при разнородности сосѣдей для отдѣльныхъ поколѣній должно было произойти различіе и въ составѣ лексическомъ; могло оно быть на сѣверѣ и югѣ Россіи, въ силу того же различія сосѣдства. Но неужели же филологъ, на этомъ основаніи, рѣшится заключать и о различіи нарѣчій? Неужели же южно-русскій языкъ до XIII—XIV столѣтія должно почитать отличнымъ нарѣчіемъ отъ сѣвернаго, между прочимъ, и потому, что въ немъ попадаются, напримѣръ, слова половецкія, которыхъ нѣтъ на сѣверѣ? Въ такомъ разѣ, придется считать за отдѣльныя нарѣчія и многіе областные говоры великорусскаго нарѣчія, между которыми также разнообразная народность сосѣдей оставила и различные слѣды, на востокѣ есть слова неизвѣстныя вовсе на западѣ и въ срединѣ Великой Россіи, и наоборотъ. Нѣтъ, лексиконъ, въ

этомъ случаѣ, не приведетъ ни къ какому результату, доказательствомъ чему да послужатъ намъ доказательства изъ него самого г. Максимовича. Между очевидными въ его глазахъ малорусскими словами приведены: 1) *отпровадить*. Малороссійскому нарѣчію, говоритъ г. Максимовичъ (стр. 109), вполнѣ свойственны глаголы: *провáдити, запровáдити, отпровáдити, препровáдити* и т. д. А потому, если мы читаемъ въ Олеговомъ договорѣ «*допровáдимъ* съ куплею ихъ поздорову,—въ Кіевской лѣтописи «*отпровáдя* Половци»,—въ Волынской лѣтописи «*препровáдиша* рѣку лютую» (1208 г.), то имѣемъ полное право (!!) сказать, что это писано по нарѣчію малороссійскому.» Ежели бы и дѣйствительно на сѣверѣ не нашлось всѣхъ этихъ словъ въ настоящее время, то и тогда не имѣли бы мы не только полнаго, но и никакого права утверждать, что ихъ не было и въ старину; но относительно приведенныхъ глаголовъ положительно отнимаетъ всякое право на подобный приговоръ господство ихъ понынѣ и въ нарѣчіи великорусскомъ. Какъ уроженцу сѣверному, тверскому, привыкшему съ малыхъ лѣтъ и слышать и употреблять иногда самому эти глаголы, для меня изумительнымъ показалось исключительное присвоеніе ихъ нарѣчію малорусскому. Еслибы г. Максимовичъ справился съ академическимъ, 1847 года, словаремъ, не говорю уже объ областномъ, то, навѣрное, удержался-бы отъ такого приговора, увидѣвъ, что *провадить* и *отпровадить*, и такъ далѣе, вполнѣ употребительныя слова на сѣверѣ, даже и не какъ только областныя. Ссылка же на опечатку въ письмѣ г. Погодина, гдѣ вмѣсто *отпровáдя* напечатано *отпроводя*, какъ на свидѣтельство несвойственности корректору—великороссіянину произношенія *отпровáдя*, конечно, г. Максимовичемъ сдѣлана для возбужденія улыбки или въ наставленіе корректорамъ, чтобы впередъ были внимательнѣе къ своему дѣлу; думаемъ, что почтенный филологъ серьезно не станетъ же разсматривать книжныхъ опечатокъ, какъ признаковъ нарѣчія или говора. 2.) «Что же касается до слова *хрестъ*, то малороссійское нарѣчіе постоянно удерживаетъ въ немъ звукъ Х, вмѣсто К: *хрестный, хрещеный, хрещатый, хрещатикъ, хрестины, водохрещи, средохрестная недѣля*. И такъ, если мы въ Кіевской лѣтописи читаемъ: *хрестъ, водохрещи* (тамъ же подъ 1118 г.), *средохрестная недѣля* (подъ 1170 г.), не должны ли мы сказать, что это написано по малороссійски. Въ Кіевской лѣтописи, подъ 1147 годомъ, написано: «отторгоша *хрестъ* на немъ»; то же самое въ суздальской (лав-

рентьевской) лѣтописи переписано такъ: «и отторгоша на немъ *крестъ*.» Хотя здѣсь дѣло идетъ вовсе не о словѣ, которое, какъ извѣстно, принадлежитъ, безъ исключенія, всѣмъ Славянамъ, а о звукѣ *х* вм. *к*.; но какъ приведено оно авторомъ писемъ, и приписки, въ числѣ словъ, то мы и не нарушаемъ порядка, и скажемъ только о звукѣ. Какъ въ южной Россіи, такъ точно во всѣхъ частяхъ и сѣверной, русскій народъ въ произношеніи слова *крестъ* и его сложныхъ и производныхъ не употреблялъ и не употребляетъ обыкновенно звука *к*, а постоянно *х*, равно какъ и въ словѣ *кто*. О нынѣшнемъ произношеніи *хрестъ* сѣвернымъ народомъ русскимъ, какъ обыкновеннымъ, считаю излишнимъ и говорить; что же до времени древняго, то пусть г. Максимовичъ обратитъ вниманіе на грамоты сѣверно-русскія или другія, отъ XIII столѣтія и позднѣе, въ нихъ увидитъ онъ почти постоянное употребленіе *хрестъ*, а не *крестъ*. Сопоставленіе Кіевской лѣтописи съ Лаврентьевской тоже неумѣстно, въ приведенномъ случаѣ, потому что какъ въ первой далеко не вездѣ пишется *хрестъ*, такъ и въ послѣдней, сравнительно, рѣже читаемъ *крестъ*. Для примѣра въ Кіевской лѣтописи привожу. «и цѣлова Святославъ *крестъ* съ братомъ своимъ Игоремъ, а наутрѣи день цѣловаста Володимеръ, Изяславъ съ игоремъ, и тако яшася вси, рекуще: кто съступить *крестьецѣлованье*, дась *крестъ* взомьстить (подъ 1142 годомъ; сравн. *крестъ* и *крестецъ*, подъ 1152 год., на страницѣ 72, и множество другихъ)! въ Лаврентьевской: *хрестъ* еси ко мнѣ цѣловалъ (подъ 1127 г. сравн. 1037, и множество другихъ). Встрѣчаемое въ Волынской лѣтописи малороссійское слово *господа* (стр. 131) жило, во всей силѣ, въ древнее время и на сѣверѣ, въ чемъ можетъ убѣдиться г. Максимовичъ, справившись въ словаряхъ къ новгородскимъ лѣтописямъ и пробѣжавши хоть двѣ-три грамоты новгородскихъ, въ собраніи Румянцева. Правда, что на сѣверѣ съ этимъ словомъ соединялось нѣсколько другое значеніе; но, вѣдь, и значеніе словъ имѣетъ свою исторію, чего, увѣренъ, не отвергаетъ и г. Максимовичъ; забыться же впослѣдствіи оно могло также, если только дѣйствительно всюду забылось, какъ забыли малороссіане, по свидѣтельству самого же г. Максимовича, слово *хоробрый* (стр. 129.) Въ числѣ словъ малороссійскихъ поставлено и слово *тягну*, *тягнути*,» въ которомъ великорусское нарѣчіе издревле выпускаетъ звукъ *г*—тяну, тянуть» (стр. 133). Положеніе о выпускѣ *г* издревле, въ глаголѣ *тягнуть*, на сѣверѣ высказано такъ положительно, какъ будто авторъ его намѣренно для этой

особенности перечиталъ всѣ памятники гражданской письменности сѣвера. Такъ-какъ и здѣсь дѣло касается не слова, а формы его, которая можетъ служить характеристикой нарѣчія, то мы и приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ грамотъ сѣверныхъ, отличающихся вполнѣ народнымъ языкомъ, гдѣ форма *тягнути* обыкновенна, и только одна она, а не *тянути*: кто купець, тотъ въ сто, а кто смердъ, а тотъ *потягнеть* въ свой погостъ (Собр. госуд. грам. и догов. Румянцева, I, № 3, 1270 г.); и что сельцо *тягнуло* къ тымъ свободамъ, того всего тобѣ съступитися (тамъ-же, № 6, 1305; сравн. тамъ-же, №№ 7, 8). А кто .. къ святому Спасу не *тягнеть* (тамъ-же, № 11, 1307 год.); а кто живеть въ Новоторьскомъ уѣздѣ... а тѣ потягнуть къ Торжьку (там. 1318 г. № 14). И въ лѣтописяхъ новгородскихъ, языкъ которыхъ также постоитъ за свою народность, форма *тягнути* единственно употребительна (сравн. Словари къ лѣтописямъ новгородскимъ). И такъ, лексиконъ бездоказателенъ и подъ рукою г. Максимовича, какъ ничего не доказываетъ онъ и среди доказательствъ г. Погодина. Оставимъ же его на этотъ разъ въ покоѣ и повторимъ коротко сказанное, что важность лексикона заключается въ опредѣленіи богатства понятій народа, степени сохраненія имъ до позднѣйшаго времени, или забвенія, старины и, наконецъ, степень вліянія на него, намѣреннаго или ненамѣреннаго, чуждой народности; для характеристики же нарѣчій или говоровъ находится другое мѣрило, болѣе вѣрное и скорѣе ведущее къ цѣли—словообразованіе, звуки и формы въ склоненіи и спряженіи. Я не исключаю и синтаксисъ, потому что и онъ, говоря вообще, одинаковъ у цѣлаго—племени; въ этой одинаковости-то словосочиненія всего нагляднѣе и отражается родственность происхожденія, единство въ устройствѣ духовной природы, отсюда—и въ способѣ мышленія, съ которымъ неразрывно связано и словосочиненіе. Безспорно, что съ теченіемъ времени мы замѣчаемъ немало отличія и въ немъ, по разнымъ поколѣніямъ славянскимъ; но это различіе также легко опредѣлить, какъ и въ словарѣ отчислить слова несвоебытнаго происхожденія Труднѣе подчиняется чужеземному вліянію эта сторона языка, болѣе продолжительное требуется время и болѣе усиленное вліяніе для ея измѣненія, чѣмъ для пріема словъ, входящихъ въ народъ часто незамѣтно и невольно; тѣмъ не менѣе не освобождена и она совершенно отъ уклоненія отъ роднаго своего строя. Доказательствомъ могутъ быть нарѣчія лужицкое и чешское, въ синтаксисѣ которыхъ во многомъ отзывается вліяніе

нѣмецкое. Отдѣлите это чужевомное вліяніе, и вы получите ту же свободу въ словорасположеніи, которою владѣетъ весь славянскій народъ, въ силу продолжающагося еще обилія формъ, дающаго полную возможность выражать словами понятія въ порядкѣ ихъ зарожденія въ головѣ. Тамъ, гдѣ ослабѣли и во многомъ исчезли формы, какъ въ языкахъ западныхъ, почувствовалась, естественно, необходимость и опредѣленнаго порядка въ словорасположеніи, безъ котораго мысль будетъ темна, потому-что внѣжнее выраженіе ея будетъ представляться наборомъ словъ, лишенныхъ связи, опредѣляемой такъ отчетливо у Славянъ обильными формами склоненія и спряженія. Такъ-какъ на словообразованіи г. Максимовичъ не остановился, указавъ нѣсколько чертъ въ звукахъ и формахъ этимологическихъ, и какъ мы имѣемъ въ виду лишь сдѣлать замѣчаніе на его положенія, а не подробно изслѣдовать вопросъ, то и обратимся прямо къ его доказательствамъ. Но и при этомъ нельзя обойтись безъ общаго разсужденія.

Признавая малорусское нарѣчіе и въ древнее время со всѣми тѣми отличными свойствами, какія отличаютъ его теперь, г. Максимовичъ, значитъ, вовсе не признаетъ исторіи языка вообще, а съ нею и исторіи нарѣчій. Въ этомъ случаѣ, онъ впалъ въ противорѣчіе самъ съ собою, конечно, и не замѣчая этого. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣляя вполнѣ мнѣніе Шафарика (см. стр. 87), повторенное и нѣсколько-распространенное въ образцовомъ сочиненіи О М. Бодянскаго, что *«чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ нарѣчія славянскія ближе другъ къ другу*, хотя, какъ показываетъ исторія и новѣйшія изслѣдованія, и при всемъ родствѣ и сходствѣ, нарѣчія эти уже въ историческое время существовали и отличались другъ отъ друга тѣми же существенными признаками, какими и теперь, спустя слишкомъ тысячу лѣтъ,» онъ, т. е. г. Максимовичъ, силясь пріурочить *всѣ* современныя особенности малорусскаго нарѣчія и древнѣйшему времени, тѣмъ-самымъ ставитъ его, по отношенію къ другимъ родственнымъ нарѣчіямъ, на ту же степень отдѣльности, на какой находится оно и въ настоящую пору и, слѣдовательно, отвергаетъ то, съ чѣмъ соглашается, будто: «чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ нарѣчія славянскія ближе другъ къ другу.» Конечно, гг. Шафарикъ и Бодянскій, равно-и всѣ знакомые непосредственно съ источниками славянской письменности, выводятъ такую мысль изъ историческаго времени, потому-что для доисторической поры нѣтъ основаній; слѣдовательно, и въ историческую пору, хотя и обнаружилось уже

въ первыхъ произведеніяхъ письменности славянской отличіе, все-таки была большая близость нарѣчій, а слѣдовательно, нѣкоторыя черты, составляющія принадлежность нынѣ того или другаго нарѣчія, и не существовала въ XI в., въ противномъ случаѣ, нечего и утверждать большей близости нарѣчій въ древности. Поэтому, и малорусское нынѣшнее нарѣчіе должно имѣть кое-что и такое, чего не имѣло прежде. Да и странно было-бы настаивать на противномъ. Въ природѣ все подвержено измѣненію, какъ гласитъ мысль старая, избитая, хотя и справедливая: какъ же обрекать на неизмѣнность, въ теченіе десяти хоть вѣковъ, языкъ, живой органъ мысли человѣка, которая подвержена такимъ быстрымъ переворотамъ, вслѣдствіе переворотовъ въ самой жизни народа? Но намъ нѣтъ нужды останавливаться на теоріяхъ, когда подъ руками имѣется огромное множество фактовъ. Развѣ за три-четыре вѣка французкій языкъ былъ точно такой же, какимъ говорятъ французы теперь? Развѣ не во многомъ отличается и языкъ нѣмецкій въ средневѣковой письменности отъ современнаго? Зачѣмъ же стѣснять свободу языка славянскаго? Нѣтъ, и онъ не всегда былъ такимъ, какимъ знаетъ его нынѣ 80 милліоновъ его владѣтелей: и хотя существенно отличительныя черты нарѣчій высказались давно, но долго и послѣ этого гораздо болѣе хранилось общаго, чѣмъ теперь. Та же письменность, которая даетъ право на признаніе отдѣльности нарѣчій издавна, доказываетъ и неразвившіяся еще позднѣйшія особенности и сохраненіе многаго общаго, погибшаго впослѣдствіи. Возьмите нарѣчіе чешское, судьбу котораго можно прослѣдить съ отдаленныхъ временъ, вслѣдствіе уцѣлѣвшаго длиннаго ряда памятниковъ, и взгляните на него хоть въ XIII столѣтіи. Вы увидите въ немъ и двойственное число, и прошедшее на *хъ*, и достигательный видъ, и отсутствіе звуковъ двогласныхъ, напримѣръ, *ои*, немножко повыше въ древность, — несуществованіе и шепелеватаго *р*, увидите и многое другое древнее, въ чемъ легко убѣдиться, пробѣжавши опытъ старочешской грамматики достоуважаемаго Шафарика. Все это, приведенное мною, или не существуетъ теперь вовсе, будучи замѣнено другимъ, или осталось въ видѣ отрывковъ, иногда въ званіи провинціализмовъ; такъ, прошедшее на *хъ* живетъ въ одномъ словѣ *быхъ* (*bych*), двойственнаго числа лишь остатки, которые открываютъ и на святой Руси. Потерянъ и *рь*, явилось и *ои*, и такъ далѣе.

Тоже, и въ то же время, находимъ и въ хорватскомъ нарѣчіи, не-

знающемъ нынче также ни прошедшаго на *хъ*, ни двойственнаго, ни многаго другаго. Даже въ польскомъ языкѣ, при всей бѣдности письменности въ-древности, можно отдѣлить нѣсколько свойствъ старинныхъ славянскихъ, между прочимъ и прошедшее на *хъ*, какъ въ псалтырѣ Маргариты, и двойственное, такъ же и въ позднѣйшихъ памятникахъ языка, въ 15 столѣтіи. Первое употреблялось и въ 16 вѣкѣ, въ словѣ *bych*, послѣднее является довольно часто, и въ 3-хъ формахъ падежныхъ, у писателей польскихъ еще въ XVII вѣкѣ. А между тѣмъ, всѣ эти нарѣчія, въ то же самое время имѣли уже и выражали въ письменности и особенныя свои черты. Напримѣръ, Чешское имѣетъ уже и въ судѣ Любушиномъ: *z* изъ смягченнаго *d*, *c* изъ смягченнаго *t*, и такъ далѣе. Привожу все это съ цѣлію показать, что появившіяся отличительныя свойства нарѣчій не исключаютъ собою и многаго, многаго общаго въ старину, что потомъ замѣнилось новымъ, сдѣлавшимся иногда тоже отличительнымъ свойствомъ нарѣчія, потому-что каждое изъ нихъ руководилось при замѣнѣ своими условіями.

Такъ было и въ русскомъ языкѣ. И онъ обнаружилъ свои черты, высказавшіяся и въ письменности. И эти-то обнаружившіяся черты дали полное основаніе гг. Шафарику и Бодянскому высказать приведенную выше мысль объ отдѣленіи, наряду съ другими нарѣчіями славянскими, и русскаго. Но ни тотъ, ни другой, безъ-сомнѣнія, вовсе не думали уничтожать въ древнемъ русскомъ языкѣ продолжительнаго храненія нѣкоторыхъ звуковъ и формъ древнихъ, болѣе сближавшихъ тогда нарѣчія славянскія, а потому еще менѣе думали пріурочивать древности всѣ нынѣшнія особенности языка русскаго. Теперь мы можемъ ближе подойти и къ главному вопросу, — къ отдѣленію нарѣчія малорусскаго. Отличительныя черты русскаго языка выдѣлялись издавна: это безспорно. Письменность, въ которой онѣ и могли только выразиться въ то время, для насъ потомковъ, была на югѣ и сѣверѣ; слѣдовательно, въ южной и сѣверной письменности и должно искать количество и качество этихъ выразившихся чертъ отдѣльныхъ. Значительнѣйшая часть ихъ приведена и г. Максимовичемъ, къ которому и пусть обратятся читатели и прочитаютъ письмо четвертое, хоть до половины страницы 103. Коротко, черты эти слѣдующія: *ж* вм. *жд* церк.-слав., развившееся изъ смягченія *д*; *ч* вм. *щ* или *щ* церковнославянскаго, развившееся изъ смягченія *т*; два *о* и два *е* вмѣсто одного *а* или *ѣ* послѣ *л* и *р* (*глава* — *голова*, *млѣко* —

молоко, *жребій*—*жеребій* и другіе); *о* и *е* вмѣсто древнихъ церковнославянскихъ *ъ* и *ь*; *у* и *я* вмѣсто древнихъ церковнославянскихъ *ж* и *ѧ*; *о* вмѣсто *е*, вначалѣ словъ, какъ *осень* вмѣсто церковнославянскаго *есень*; несуществованіе удвоенія гласныхъ въ склоненіи прилагательныхъ опредѣленныхъ и въ прошедшемъ несовершенномъ на *хъ*.

Эти особенности, въ одинаковой степени принадлежащія и нынѣ югу и сѣверу Россіи, слѣдовательно, всему языку русскому, господствуютъ зачастую и въ произведеніяхъ письменности древне-русской, назначаемой для церкви, какъ въ поученіяхъ и проповѣдяхъ; еще болѣе употребительны въ лѣтописяхъ и почти исключительны въ грамотахъ и другихъ актахъ правительственныхъ. Какъ особенности роднаго говора, глубоко издавна укрѣпившіяся въ языкѣ, онѣ попадаются нерѣдко и въ спискахъ памятниковъ церковныхъ, появившихся вначалѣ внѣ Россіи и переписанныхъ русскими людьми. Наряду съ ними, попадаются во всѣхъ тѣхъ же произведеніяхъ и замѣна церковнославянского *ѣ* посредствомъ *и*, и наоборотъ, что указываетъ прямо на древность этого свойства, развитаго понынѣ на югѣ Россіи и присущаго значительной части сѣвера, именно рѣчи новгородской. Не освободились тѣ же памятники, писанные на сѣверѣ, въ области новгородской или новгородцами, и отъ исключительной особенности этой рѣчи, взаимной мѣны звуковъ *ц* и *ч*. Такая мѣна принадлежитъ въ большомъ количествѣ и памятникамъ церковнославянскимъ, начиная съ XI столѣтія. Вотъ—что высказалось въ древнѣйшемъ русскомъ языкѣ своего особеннаго, неотвергаемаго и г. Максимовичемъ. Но, вѣдь, во всемъ этомъ нѣтъ ни одного признака исключительно малороссійскаго; какъ же согласить теперь, съ одной стороны распространенность въ письменности древней, южной и сѣверной, приведенныхъ чистыхъ руссизмовъ и даже, въ послѣдней, новгородизмовъ, и совершенное отсутствіе свойствъ малорусскаго нарѣчія; съ другой—желаніе возвести отдѣльность малорусскаго нарѣчія къ глубокой древности, къ первымъ вѣкамъ Русскаго государства? И вотъ, намъ положительно объявляютъ, что письменность въ древней Россіи была на церковнославянскомъ языкѣ и представляютъ патентъ на основательнѣйшее знаніе сего языка древними Руссами. Какъ можетъ иногда далеко заходить увлеченіе и знатоковъ дѣла, и заставлять ихъ противорѣчить очевиднѣйшимъ фактамъ!—Но остановимся на этомъ.

Основаніемъ признавать языкъ древнихъ русскихъ памятниковъ,

во всѣхъ ихъ видахъ, церковнославянскимъ, служатъ, сколько извѣстно, слѣдующія два обстоятельства а) возбужденіе и развитіе образованности русскаго народа въ древнее время подъ непосредственнымъ и преимущественнымъ вліяніемъ христіанства и церкви, вслѣдствіе чего и главная масса произведеній письменности носитъ на себѣ характеръ или чисто-церковный или нравственно-поучительный. Отсюда прямой выводъ—господство принятаго и освященнаго церковью языка и глубокое знакомство съ нимъ людей письменныхъ, грамотныхъ.

б.) Этотъ выводъ, въ прежнее время въ глазахъ всѣхъ, въ настоящее время довольно еще многихъ, находитъ оправданіе и подкрѣпленіе въ рѣзкомъ различіи современнаго языка русскаго съ тѣмъ, какой встрѣчается въ древнихъ памятникахъ, слѣдовательно—языкъ послѣднихъ не русскій народный: а какъ въ немъ весьма много общаго съ церковно-славянскимъ, то, значитъ, онъ и былъ церковнославянскій, какимъ и прилично ему быть въ древности на Руси, въ силу перваго обстоятельства Неоспоримъ фактъ, что христіанство, а съ нимъ и церковь, въ первую пору господства своего въ русской землѣ, было главнымъ, ежели не единственнымъ, возбужденіемъ и орудіемъ просвѣщенія народа; неоспоримо и то, что древняя наша литература представляетъ факты, относящіеся по преимуществу къ дѣламъ вѣры и церкви; но слѣдуетъ-ли прямо отсюда, что языкъ и тѣхъ памятниковъ литературы, которые обязаны своимъ происхожденіемъ единственно жизни народа, содержаніемъ своимъ прямо взяты изъ нея, и назначены исключительно только для нея,—что языкъ и такихъ памятниковъ долженъ быть непремѣнно церковнославянскій, какъ утверждаетъ г. Максимовичъ (на стр. 88)? Думаемъ, что такое заключеніе не вполнѣ послѣдовательно. Но, быть можетъ, церковнославянской языкъ былъ до такой степени хорошо знакомъ грамотѣямъ русскимъ, вслѣдствіе глубокаго уваженія къ нему, какъ къ языку вѣры, что писатели и грамотъ, и договоровъ и другихъ актовъ правительственныхъ, не только духовные, но даже и свѣтскіе, предпочитали его языку народному и въ предметахъ жизни обыденной, нерѣдко мелочной? Такое знаніе и утверждаетъ г. Максимовичъ. На страницѣ 121, онъ говоритъ: «да еслибы нашимъ богослужебнымъ языкомъ, при Владимірѣ, сталъ греческій или латинскій, и на нихъ писали бы свободно кіевскіе грамотники XI вѣка, какъ впослѣдствіи кіевляне, Яворскій и Прокоповичъ, можно сказать, играли латинскимъ языкомъ въ своихъ стихотвореніяхъ, свободно пи-

савши и на польскомъ, и на церковнославянскомъ, и на тогдашнемъ русскомъ въ двухъ его видахъ. А съ какою правильностію и отчетливостію писали прежде Нестора, на церковномъ языкѣ, и новгородскій діаконъ Григорій, въ Евангеліи Остроміровскомъ (1056 г), и діаконъ Іоаннъ, вѣроятно, кіевскій, въ Изборникѣ Святославовскомъ (1073 г.). Но то были уже записные знатоки и мастера въ языкѣ церковномъ, вѣроятно, изъ Ярославовой школы писцевъ и переводчиковъ....» Что дьяконъ Григорій и діаконъ Іоаннъ могли знать языкъ церковнославянскій, отвергать трудно, но что они оба не писали, а переписывали по церковно-славянски,—это очевидно, и удивительно, какъ г. Максимовичъ могъ привести ихъ обоихъ въ образецъ записныхъ знатоковъ церковнославянскаго языка, писавшихъ будто на немъ съ особенною правильностію и отчетливостію; да въ такомъ случаѣ, что же мѣшаетъ считать записными знатоками русскаго языка и нынѣшнихъ нашихъ писцевъ, хоть изъ школы кантонистовъ, доводящихъ иногда мастерство свое въ каллиграфіи до высокаго совершенства? Вѣдь и Остроміровo Евангеліе и Святославовъ Сборникъ суть только русскіе списки съ древнѣйшихъ оригиналовъ церковнославянскихъ и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не должны приводиться въ свидѣтельство отчетливаго знанія церковнаго языка ихъ переписчиковъ. Этимъ вовсе не думаемъ мы отвергать существованіе знатоковъ церковнославянскаго языка въ древней Руси; они были, и обнаруживали свои отчетливыя познанія въ немъ, но только не въ перепискѣ, а въ собственныхъ сочиненіяхъ, какъ, напримѣръ, Митрополитъ Иларіонъ, Яковъ Мнихъ, св. Ѳеодосій печерскій и другіе писатели XI, XII и послѣдующихъ вѣковъ.

Но, вѣдь, подобныхъ лицъ не такъ много; въ каждомъ вѣкѣ ихъ можно считать единицами; ктому же, лица эти всѣ отличены высокимъ саномъ духовнымъ, сочиненія ихъ исключительнаго религіознаго или церковнаго содержанія, а куда же пріурочить множество писателей свѣтскихъ сочиненій, правительственныхъ актовъ? Принимая во вниманіе ихъ сочиненія, а этимъ, разумѣется, мы только и должны руководиться, увидимъ, что авторовъ ихъ никакъ не возможно сравнивать ни съ Яворскими, ни съ Прокоповичами.

Да и вообще намъ кажется страннымъ такое сравненіе. И Яворскій и Прокоповичъ и другіе, подобные имъ, являются лицами учеными, получившими образованіе въ высшемъ, въ ихъ время, учебномъ заведеніи, гдѣ преподаваніе какъ языковъ, такъ и другихъ предме-

товъ, шло въ строгой системѣ, въ которой рѣзко уже были отличены всѣ частности, и для языка существовали уже специальныя грамматики. Всего этого не было ни въ 11, ни въ 12, ни въ 13 столѣтіяхъ, и писатели церковные этихъ вѣковъ являются знатоками языка церковнаго вслѣдствіе частаго и внимательнаго чтенія церковныхъ книгъ и основательнаго ихъ изученія.

Факты языка памятниковъ гражданскихъ лучше всего говорятъ противъ предложеннаго г. Максимовичемъ сравненія. Всѣ приведенныя выше особенности русскаго языка являются въ нихъ не какъ обмолвки, не какъ что-то случайное, а какъ вполнѣ обыкновенныя свойства тогдашняго языка письменнаго, какъ необходимыя, и потому являются постоянно и неизмѣнно. Ни Димитрій ростовскій, ни ему современные писатели на церковнославянскомъ языкѣ, ни послѣдующіе, хоть и въ наши годы, не употребляли и не употребляютъ этихъ особенностей, не ставили и не ставятъ *ж* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *щ*; не встрѣчаемъ у нихъ и русскаго полногласія и замѣны буквою *о* буквы *е*, тѣмъ менѣе смѣшенія *ѣ* и *и*, или какого либо свойства говора областнаго. Кажется, ясно, что древніе писатели свѣтскихъ произведеній нейдутъ въ уровень съ учеными писателями по церковно-славянски 17–19 столѣтій, и съ точки зрѣнія послѣднихъ можно прямо утверждать, что первые плохо знали церковный языкъ, ежели только допустить, что они писали по церковно-славянски. Но допуская это, невольно приходишь въ недоумѣніе, почему нетвердость знанія церковнославянскаго языка у писателей грамотъ и договоровъ выражалась исключительно лишь въ приведенныхъ чистыхъ руссизмахъ, и притомъ такъ послѣдовательно и постоянно? Почему они, какъ-будто по условію, по соглашенію, рѣшались нарушать чистоту церковнаго языка въ пользу народнаго единственно въ этихъ случаяхъ и не касались другаго? Какъ угодно, а безпристрастное рѣшеніе этого вопроса можетъ вести, полагаемъ, къ одному только отвѣту, что этого другого и не зачѣмъ было измѣнять, потому что оно употреблялось еще въ устахъ народа, было такимъ же руссизмомъ, какъ *ж* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *щ*, и тому подобное, жило, слѣдовательно, и двойственное число и прошедшее на *хъ*, и отличіе для всѣхъ падежей прилагательныхъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ, и смягченіе гортанныхъ звуковъ въ свистящіе и шипящіе, въ склоненіи, и тому подобное. Все это мы и встрѣчаемъ въ древнихъ грамотахъ, и сѣвера и юга, наряду съ отличительными

чертами древняго языка русскаго и со всѣми пріемами языка живаго, народнаго. Да и что же мѣшаетъ принимать это?

Несуществованіе въ современномъ русскомъ языкѣ этихъ формъ, сказали мы выше, служитъ оправданіемъ, для нѣкоторыхъ, мысли, что эти формы и въ древности не свои, чужія, попавшіяся въ письменность русскую изъ языка церковнаго. Не говоря уже о томъ, что такое оправданіе противорѣчитъ вообще неизбѣжности развитія, а слѣдовательно и измѣненія языка, оно противорѣчитъ и очевиднымъ фактамъ исторіи другихъ родственныхъ нарѣчій. Неужели же и Чехи, въ своей богатой древней письменности, и Хорваты, даже и Поляки употребляли языкъ церковнославянскій? Но вѣдь они съ отдаленнѣйшихъ временъ были католиками; а между тѣмъ и ихъ современный языкъ нисколько не менѣе, если не болѣе еще, ушелъ отъ того языка, какой находимъ мы въ ихъ древнихъ памятникахъ: и ни одинъ ученый чешскій, хорватскій или польскій не думаетъ считать формъ своего древняго языка, общихъ съ церковнославянскими, погибшихъ въ нынѣшнемъ, за чужія, церковнославянскія. Ктому же, такія формы не исчезали еще и въ жизни нѣкоторыхъ нарѣчій славянскихъ, господствуя вполнѣ и въ письменности ихъ древней, напримѣръ: въ хорутанскомъ, лужицкомъ, отчасти сербскомъ и болгарскомъ. За что же одинъ русскій языкъ приходится осуждать на застой и на потерю всего древняго въ неопредѣленную доисторическую пору? Неужели за то, что народъ русскій имѣлъ и имѣетъ счастіе слушать свое богослуженіе и читать св. писаніе и другія церковныя книги на богатомъ языкѣ церковнославянскомъ? Но, во-первыхъ, то же самое было и у другихъ Славянъ, и однакоже о ихъ языкѣ такъ-безусловно никогда не высказывалось такого приговора; во-вторыхъ, языкъ церковный все-таки языкъ неподвижный, мертвый, тогда-какъ языкъ письменный въ древней Руси обнаруживаетъ всѣ признаки жизни, а съ нею и неразлучныя перемѣны. Эти перемѣны самымъ яркимъ образомъ выразились въ *послѣдовательности* и *правильности* употребленія древнихъ формъ въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности и въ *непослѣдовательности* и *неправильности* ихъ въ памятникахъ, сравнительно, позднѣйшихъ, какъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Церковнославянскій языкъ оставался тотъ же; откуда же это различіе въ письменности русской, ежели въ ней господствовалъ языкъ церковнославянскій? Зачѣмъ въ XII и XIII вѣкахъ не встрѣчаемъ, напримѣръ, ошибокъ относительно прошедшихъ на *хъ*, или двой-

ственнаго числа, какъ въ склоненіи, такъ и въ спряженіи, тогда-какъ въ послѣдующее время находимъ нерѣдко окончаніе *хъ* отнесеннымъ ко 2-му или 3-му лицу, и неумѣстное употребленіе числа двойственнаго? Не забудемъ при этомъ, что, при древней правильности этихъ формъ, мы замѣчаемъ постоянство и въ такъ-называемыхъ руссизмахъ, зачастую уже обращенныхъ въ церковно-славянизмы при позднѣйшей ихъ неправильности. Оттого, скажемъ съ увѣренностію, что въ древнее время, формы эти господствовали въ живомъ языкѣ и удерживали писателя отъ ошибокъ, и оттого, съ другой стороны, являются погрѣшности въ нихъ, въ позднѣйшую пору,—что забылись онѣ тогда въ жизни языка и попадались подъ перо изъ подражанія старой письменности. А какъ эта старая письменность, по близости къ языку церковному, въ глазахъ писателей XIV, XV и послѣдующихъ вѣковъ принималась съ нимъ за тожественную, то и изъ подражанія церковному языку, наряду съ неправильнымъ употребленіемъ древнихъ формъ, стали нерѣдко замѣняться и чистыя руссизмы церковно-славянизмами, какъ *жд* вмѣсто *ж*, *щ* вмѣсто *ч*, одно *а* или *ѣ* вмѣсто двухъ *о* или *е*, и тому под. Да и возможно-ли, при такой отдѣльности русскаго языка отъ церковнославянскаго въ-древности, какая существуетъ нынѣ, не высказаться и другимъ его особенностямъ въ древнѣйшей письменности, кромѣ исчисленныхъ выше руссизмовъ? Факты рѣшительно противорѣчатъ этому положительно для древности и отрицательно для позднѣйшаго времени. Дѣйствительно, ежели при перепискѣ церковнославянскихъ памятниковъ, при перепискѣ иногда необыкновенно-тщательной, весьма медленной, подъ перомъ записныхъ знатоковъ языка церковнаго, какъ дьякона Григорія и дьяка Іоанна, прорываются руссизмы, какъ: *ж* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *шт*, или *щ*, два *е* вмѣсто *ѣ* (въ Изборникѣ—*вередъ*, *вередити*), при перепискѣ же болѣе быстрой, менѣе внимательной являются довольно часто и другія особенности, даже областнаго говора, какъ взаимная мѣна *ѣ* и *и*, *ц* и *ч*, то какъ же возможно допустить, чтобы, тамъ-сямъ, не обнаружились всѣ свойства народнаго языка подъ перомъ людей свѣтскихъ, въ сочиненіяхъ относящихся къ быту житейскому и для него назначенныхъ? Но, кромѣ исчисленныхъ особенностей древнѣйшаго русскаго языка, въ нихъ не находимъ другаго ни изъ нынѣшнихъ сѣверныхъ говоровъ русскихъ, ни изъ малорусскаго нынѣшняго нарѣчія. Значитъ, ихъ или не было вовсе, или онѣ не успѣли еще вполнѣ развиться и замѣнить собою

жившихъ еще свойствъ древнихъ. Когда же это развитіе совершилось, когда древнее окончательно смѣнилось новымъ,—это новое не только уже въ произведеніяхъ на языкѣ народномъ, но и при намѣренной подражательности языку церковному, стало пробиваться со всею силою въ письменности. Такъ, на сѣверѣ, начало употребляться причастіе на *лъ*, въ смыслѣ прошедшаго изъявительнаго наклоненія; *тъ* въ 3—мъ лицѣ настоящаго времени, единственнаго и множественнаго чиселъ; множественное число вмѣсто двойственнаго; пропала переходная смягченность звуковъ гортанныхъ, и такъ далѣе. Такъ и на югѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми новыми чертами сѣверными, явились и свои особенныя, какъ, напримѣръ: окончаніе *мо*, въ первомъ лицѣ множественнаго числа; измѣненіе *іе* или *ье*, въ окончаніе именъ существительныхъ, послѣ согласныхъ *л*, *н*, *т* и др., въ *я;* смѣшеніе *въ*, и *и;* обращеніе *о* въ *и;* употребленіе *з* вмѣсто *с*, въ предлогѣ *съ*, и другія; хотя сохранилось нѣчто и изъ древняго, потеряннаго на сѣверѣ. Г. Максимовичъ, утверждая, что въ древности писалось все на Руси по церковно—славянски, доказываетъ возможность устранить особенности народнаго говора писцамъ сравненіемъ съ сочиненіями XVI-XVII вѣковъ, писанными тоже по церковно—славянски, гдѣ однакожъ также, по его убѣжденію, нѣтъ обмолвокъ въ пользу народныхъ особенностей. Съ этого цѣлію, онъ выписываетъ *семь* строкъ изъ Густинской лѣтописи, подъ 1516 годомъ, писанной малороссіяниномъ, и заключаетъ: «много—ли тутъ малороссійскій лѣтописатель, въ самый разгаръ козаччины, обронилъ изъ своего нарѣчія?... Словцо *межи*, вмѣсто церковнаго *между?*... «Но во-первыхъ, и на *семи* строкахъ не одно словцо *межи* взято изъ народнаго языка; къ очевиднымъ признакамъ послѣдняго относятся. *нашой* вмѣсто *нашей (въ землѣ нашой)*, *вышше* вмѣсто *выше*, *изыйде* вмѣсто *изиде* (сравн. мjp. *ишелъ*, *прійшелъ.)* обычаи *пріятнѣйшыи* вм. обычаи *пріятнѣйшіе*, (во что, не знаемъ почему, и обращено первое чтеніе подлинника въ выпискѣ г Максимовича), во—вторыхъ, въ такомъ дѣлѣ семи строкъ крайне недостаточно. въ русскихъ спискахъ церковнославянскихъ памятниковъ нерѣдко и семь листовъ пергаменныхъ не представляютъ ни одной обмолвки переписчика, въ пользу древнѣйшихъ руссизмовъ, неотвергаемыхъ г. Максимовичемъ; и, однако, онъ не усумнится считать переписчика русскимъ человѣкомъ, если хоть на 8—мъ или 9—мъ листѣ, или на какомъ бы то ни было, встрѣтитъ *ж* вм. *жд*, или дав *о* вм. *и;* а здѣсь и не на листѣ, а на полустра-

ницѣ, на протяженіи 20 строкъ, изъ которыхъ семь выписаны въ пятомъ письмѣ г. Максимовича, кромѣ указанныхъ признаковъ малорусскаго нарѣчія, читаемъ. *хотя миру зъ Москвою, да его зъ княземъ помирить; изъ земль: чотырохъ*, вмѣстѣ съ польскимъ предлогомъ *презъ*. И какъ же такой языкъ могъ показаться чистымъ церковнославянскимъ г. Максимовичу, будто, кромѣ *межи*, не включившимъ въ себя ничего малорусскаго? и какъ же, послѣ этого, мы не будемъ считать себя въ правѣ утверждать, что съ той поры, какъ появились новыя черты въ языкѣ, онѣ высказывались и въ письменности точно также, какъ высказывались постоянно въ древности древнѣйшія особенности языка р сскаго. Какъ трудно было малороссіянину, составителю Густинской лѣтописи, удержаться отъ особенностей своего говора, очевиднѣе всего свидѣтельствуетъ начало лѣтописи, гдѣ онъ былъ лишь переписчикомъ изъ древнихъ списковъ и гдѣ, при всемъ этомъ, находимъ: *зъ родомъ своимъ*, *зрубивъ городъ*, *здумавше*, *маютъ* (см. стр. 234), хотя, съ другой стороны, встрѣчаемъ и поправки древней лѣтописи, въ пользу языка церковнославянскаго, какъ: *бранилъ* пм, вм. *боронилъ*, *между* вм. *межу* и т. п. (тамъ же, 235). Тó же самое видимъ и у другихъ малорусскихъ лѣтописцевъ, положившихъ, въ основаніе своей лѣтописи, также языкъ церковнославянскій. Стоитъ только прочесть хоть одну страницу лѣтописи, напр., Грабянки, чтобы разомъ опредѣлить всю силу вліянія языка народнаго. Предоставляя на произволъ самому г. Максимовичу избрать *любую* страницу, я, съ своей стороны, приведу лишь нѣсколько строкъ, въ доказательство того, что этотъ лѣтописецъ 17 столѣтія имѣлъ рѣшительное намѣреніе писать по-церковнославянски, и затѣмъ коротко укажу на факты нарѣчія малороссійскаго. Вотъ 16 строкъ предувѣдомленія (см. лѣтопись Грабянки, Кіевъ, 1853, стр. 1.): «начинающу ми повѣсть о дѣйствіяхъ и бранехъ козацкихъ, аще и не весма требѣ бяше о праотцехъ народа того Козарехъ *предмовою* широко возвѣстити, обаче принужденъ для *лутшого* разумѣнія пространнѣе сказати, откуду Козаки имѣютъ свое проименованіе, отъ котораго племени и *язика*, и яко ихъ Козаковъ праотцы, Козари, отъ времени праотца своего Гомера, внука Ноева, преходя *кочовисками* и отъ странъ до *страни*, подобіемъ *Колмиковъ*, премѣнялися въ розніе родства и *язики* и превошедше въ силу, составили были своя царства, и яко по оскудѣнія отъ браней премѣнялися съ Козаровъ въ Козаки, о всемъ томъ *нижей предмова по раду*

(po rządu) *скаже*, аще чтущій не стужая о пространствѣ ея, въ чтеніи потрудится, она бо желаніе подаетъ, и до внятія словесъ умъ *нотуеть*.» Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ находимъ четыре случая замѣны ы посредствомъ *и*, какъ слѣдствіе смѣшенія обоихъ звуковъ, разъ перемѣну *е* на *а*; разъ окончаніе *й* въ нарѣчіе сравнительной степени; разъ потерю *ть* въ 3–мъ лицѣ единственнаго числа, однажды употребленіе *о* вм. *е*, послѣ *щ*; вмѣстѣ съ этимъ, и два польскихъ слова: *предмовою* и *кочовисками*. Всѣ эти особенности разсѣяны въ огромнѣйшей массѣ въ лѣтописи, такъ что считаю лишнимъ и приводить ихъ, ограничась указаніемъ другихъ особенностей нарѣчія малорусскаго. Въ числѣ ихъ находимъ: *зъ словами*, *зостатль* (стр. 7), *щастя* и *щасте* (стр. 8 и 65), *двохъ*, *двома* (стр. 261, 289); или въ лѣтописи Боболинскаго, изданной вмѣстѣ съ первою: *илинскимъ* (вм. Ильинскимъ, отъ Илья, по малороссійски Илля), *осотворенію*, *чого* (стр. 275), *пріймовалъ* (277), *прійшолъ* (283), *до килка тисящій* (274), *абы ему тилко далъ*: послѣднія свойства особенно важны; вотъ какъ отзывается о нихъ г. Максимовичъ, въ 11–мъ письмѣ, г. Погодину: «можетъ быть, въ лѣтописи Кіевской ты думалъ видѣть такія особенности малорусскаго нарѣчія, какъ, напримѣръ, обращеніе гласныхъ звуковъ въ тонкое *и*: *кінь–кинь*, *ніжъ–нижъ*, и т. под. Но этотъ выговоръ не есть повсемѣстный въ южно–русскомъ языкѣ и грамотные малороссіяне, до исхода прошлаго столѣтія, не вводили въ свое правописаніе такихъ особенностей, писали: *конь*, *ножъ*.» Вполнѣ вѣримъ г. Максимовичу, что обращеніе *о* въ *и* не повсемѣстно; но тамъ, гдѣ оно существовало, отражалось въ письменности и раньше исхода прошлаго столѣтія, чему доказательствомъ служатъ приведенныя формы. *килко* и *тилко*; а въ Галицкой Руси оно замѣтно и въ началѣ 15 столѣтія.

Такъ, въ Межевой записи 1424 года, напечатанной въ Русалкѣ Днѣстровой, изданной у Будину, 1837 года, на стр. 121, читаемъ: «а имають пана Юрковськового люди изъ острова исьюшковець имають дрыва рубати, але не паствіті, ані свинеі оунеущаті оу лѣсь.» (¹) По указанію самого г. Максимовича, мы взглянули на церковнославянскій

(¹) Отношеніе, въ этомъ случаѣ, ы къ и объяснено въ статьѣ· «обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго;» см. Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія, № 6, 1859 года, стр. 9—10.

языкъ лѣтописцевъ малорусскихъ, XVI—XVII вѣковъ, и, вопреки его утвержденію, нашли въ немъ довольно много, и притомъ рѣзкихъ, признаковъ нарѣчія малорусскаго.

Скажемъ теперь, что значительная часть этихъ признаковъ высказалась гораздо прежде въ письменности южнорусской, начиная съ конца 14 столѣтія, и чѣмъ позже, тѣмъ количество ихъ больше и больше. Такъ, въ концѣ грамоты Луцкаго епископа Іоанна польскому королю Владиславу, 1398 года, читаемъ: «у лѣта нароженья Сына Божія *тисяча* и триста девяносто осмого лѣта» (акты относ. къ исторіи западной Россіи I. № 12); въ присяжной грамотѣ Стародубскаго князя Александра Патрикіевича тому же королю польскому 1400 года: *тисяча* лѣтъ и *чотыриста* лѣтъ (тамъ-же, № 17), въ записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ, 1415 года: у *Святошичохъ* у *Нѣжиловичохъ*, у *Сельци зъ Межирѣцкой земли*, у *Народичохъ*, *чотырьпядное*, *зъ Романовъ*, *зъ Дѣдьковыщины* (тамъ же, № 26); въ грамотѣ подъ 1421 годомъ: *мають* (тамъ же, № 30); подъ 1422 годомъ: *приводимо*, *нинѣшнимъ* (тамъ же, № 31); подъ 1424 годомъ: *знаемо*, *зъ Божьей милости* (тамъ же, № 32); въ грамотѣ 1429 года *есмо*, *зъ вѣнци* (тамъ же, № 34) и т. д. Въ Мѣновой записи старосты луцкаго Петра Яновича (см. памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1845, отдѣлъ второй. стр. 1—2), 1490 года, находимъ также: *з митрополитовымъ*, *з ларисонiом*, *кмонастирю*, *и ставы и зводами*, *ктому имению* и др.—Вотъ какъ высказывались особенности малорусскаго нарѣчія, коль скоро появились онѣ въ жизни. Гдѣ же хоть одна изъ этихъ особенностей встрѣтилась г. Максимовичу, въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, до XIV столѣтія? А, вѣдь, и въ нихъ, какъ нами замѣчено, черты русскаго языка господствуютъ, даже несравненно постояннѣе, чѣмъ въ церковнославянскихъ малорусскихъ лѣтописяхъ XVI—XVII столѣтій, зачастую измѣняющихъ, вопреки обыкновенію лѣтописей древнихъ, *ж* въ *жд*, *ч* въ *щ*, *я* въ *а*, въ чемъ можетъ убѣдиться г. Максимовичъ, пробѣжавъ хоть одну изъ первыхъ страницъ лѣтописи Густинской, или любую страницу въ лѣтописи Грабянки. И такъ, положа руку на сердце, безпристрастно, безъ увлеченія мы смѣло можемъ повторить, ровно за четыре года, высказанное положеніе, что древній русскій языкъ, въ предѣлахъ нынѣшняго Русскаго государства, до XIV столѣтія, не обнаруживаетъ рѣшительно того раздѣленія на два нарѣчія, великорус-

ское и малорусское, какое встрѣчаемъ мы впослѣдствіи и въ настоящее время. Это положеніе, по глубокому нашему убѣжденію, опирается на самыхъ прочныхъ основаніяхъ, во 1) на рѣшительномъ отсутствіи исключительныхъ малороссизмовъ во всей древней письменности русской, южной и сѣверной, во 2) на невозможности не высказаться особенностямъ народнаго языка даже и при предположеніи, что эта письменность была церковнославянская, что положительно доказывается, въ 3) постояннымъ господствомъ въ этой письменности отличительныхъ чертъ языка общерусскаго и областныхъ особенностей рѣчи новгородской, въ 4) позднѣйшею письменностію, съ XIV вѣка, гдѣ при очевидномъ церковнославянизмѣ языка, во множествѣ разсѣяны отличительныя свойства малорусскаго нарѣчія на югѣ, какъ великорусскаго на сѣверѣ; въ 5) наконецъ, на неопровержимомъ фактѣ близости всѣхъ нарѣчій славянскихъ другъ къ другу, до XIII — XIV столѣтій, что, на мало не противорѣча развитію нѣкоторыхъ особенныхъ чертъ въ каждомъ, прямо противорѣчитъ господству въ то время всѣхъ нынѣшнихъ особенностей.

Послѣ этого общаго разсужденія, скрѣпленнаго, впрочемъ, необходимыми фактами, можно бѣгло взглянуть и на частности, предлагаемыя г. Максимовичемъ, кромѣ, конечно, отдѣльныхъ словъ, признаваемыхъ имъ за чисто-малороссійскія, о чемъ говорено уже нами выше. Въ письмѣ пятомъ, на стр. 108, по случаю правописанія въ лѣтописи Половци, авторъ говоритъ, что это чисто по-малороссійски, потому что господствующій великороссійскій выговоръ требуетъ послѣ *ц* дебелыхъ гласныхъ, тогда какъ малороссійскій въ концѣ словъ непремѣнно тонкихъ: *ь*, *я*, *ю*. Но господствующій нынѣ выговоръ не можетъ быть порукою въ такомъ сочетаніи звуковъ *ц* за 500, 600 и болѣе лѣтъ; а что, дѣйствительно,, и на сѣверѣ Россіи, въ древности, подобное сочетаніе было обыкновенно, доказываетъ положительно гражданская письменность новгородская, въ которой точно также господствуютъ слоги: *ци*, *цю*, *ця* (1); да и понынѣ еще не всюду исчезло это свойство, составляя принадлежность говора новгородскаго (см. статьи Даля. опытъ областнаго великорусскаго словаря, стр. 38. Вѣстникъ географическаго общества, за 1852 годъ, книжка V, въ отдѣлѣ библі-

(1) Какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и прежде, при ссылкахъ на древніе памятники русскіе, я находилъ лишнимъ приводить примѣры потому что въ значительномъ количествѣ на каждую особенность приведены они прежде, въ сочиненіи «о языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей.»

ографія), и притомъ не въ концѣ только словъ, но и въ срединѣ, что погибло уже и въ нарѣчіи малорусскомъ, какъ исчезло подобное же сочетаніе съ тонкими гласными, употребительное въ древности, звуковъ *ч* и *ш*. Такимъ образомъ, это свойство нарѣчія малорусскаго современнаго есть точно такой же отрывочный остатокъ общерусскаго древняго языка, какъ и смягченіе гортанныхъ передъ *и*. По поводу разсматриваемыхъ словъ въ лѣтописи: *на порозѣ, по дорозѣ*, г. Максимовичъ (на стр 116), на слѣдующій вопросъ г. Погодина: если малороссійское нарѣчіе жило на Днѣпрѣ, то зачѣмъ нѣтъ его слѣдовъ въ лѣтописяхъ, — отвѣчаетъ такимъ восклицаніемъ: «Какихъ тебѣ еще слѣдовъ, какъ эти чисто малороссійскія формы: *на порозѣ, по дорозѣ.*» Нѣтъ, онѣ настолько же въ древности южнорусскія, насколько и сѣверно-русскія, — это доказываетъ та же сѣверная свѣтская письменность, со всѣми отличительными чертами древняго русскаго языка и съ постоянно-правильнымъ употребленіемъ смягченности гортанныхъ въ свистящія передъ *и* и *ѣ*. Даже и теперь, въ народныхъ пѣсняхъ, хоть, правда, и чрезвычайно рѣдко, въ пѣсняхъ самыхъ разгульныхъ, слышатся остатки этой общей древней смягченности, о чемъ мы и имѣли случай сказать, въ приведенномъ выше сочиненіи. Подобныя формы не суть только церковнославянскія и русскія, но, въ древности, общеславянскія, кромѣ, разумѣется, русскаго полногласія упомянутыхъ выше словъ; но и въ другихъ нарѣчіяхъ славянскихъ, не смотря на древнее господство смягченности гортанныхъ, эта смягченность нынѣ или осталась только въ отрывкахъ, касаясь одного звука гортаннаго, или забылась вовсе также, какъ забыли и сѣверные русскіе. Тутъ нельзя не замѣтить нѣкотораго противорѣчія въ основаніяхъ г. Максимовича; онъ, напр., охотно допускаетъ исторію лексической части языка и, находя въ лѣтописи слова: *хоробрый, вѣверица, сапогъ* и др., несуществующія въ нынѣшнемъ нарѣчіи малорусскомъ, рѣшительно объявляетъ, что они были прежде, но теперь забылись (срв. стр. 123—130); между тѣмъ, никакъ не соглашается допустить измѣненіе звуковъ въ жизни языка, тогда какъ послѣдніе болѣе, чѣмъ что либо другое, подвержены непостоянству и превращеніямъ. — Относительно окончаній *шеть* и *хуть*, въ 3-мъ лицѣ единственнаго и множественнаго чиселъ прошедшаго времени, господствующихъ въ письменности древне-русской, г. Максимовичъ, повторяя свое мнѣніе, изложенное нѣкогда въ Исторіи Древней Русской Словесности, выражается въ письмѣ восьмомъ, на стр. 123, слѣдующимъ образомъ: «эта глагольная форма есть церковносла-

вижская, съ окончаніемъ *жу* (въ единственномъ числѣ *ще*), которому наши кіевскіе писатели XI вѣка придавали свой привычный глагольный прибавокъ 3-го лица *ть*; а въ XII-мъ вѣкѣ эта форма была въ ходу и у сѣверной Руси (съ тою разницею, что тамъ писали *ть* и *мъ*).» Во-первыхъ, какъ кажется страннымъ, какимъ образомъ можно взять цѣлую форму изъ языка мертваго для мертваго же языка (потому-что г. Максимовичъ считаетъ письменный древне-русскій языкъ вообще церковнославянскимъ) и измѣнять ее приставкою новаго окончанія, неизвѣстнаго рѣшительно въ источникѣ, откуда взята эта форма: ни г. Максимовичъ, ни другой кто не представитъ, навѣрное, ни одного примѣра такого безцѣльнаго измѣненія заимствованной формы не только въ нарѣчіяхъ славянскихъ, но и въ другихъ языкахъ. Придавали русскіе писатели окончаніямъ *ше* и *ху* свой привычный глагольный прибавокъ 3-го лица *ть*; но нарѣчіе церковнославянское, какъ извѣстно г. Максимовичу, нисколько не менѣе имѣло и имѣетъ донынѣ привычку прибавлять *ть* въ третьихъ лицахъ настоящаго и будущаго временъ, и, однако, при *ше* и *ху* не прибавляло и не прибавляетъ его; зачѣмъ же понадобилось *ть* русскимъ писателямъ, писавшимъ по-церковнославянски, особенно южнорусскимъ, когда въ ихъ нарѣчіи, ежели оно было, по теоріи г. Максимовича, нынѣшнее малороссійское *ть* не только не было привычнымъ прибавкомъ, а напротивъ, было непривычнымъ, и отбрасывается большею частію и нынѣ въ настоящемъ времени. Притомъ, почему же прибавка сочтена была необходимою лишь при *ше* и *ху* и опущена при коренныхъ гласныхъ, оканчивавшихъ 3-е лице прошедшаго совершеннаго, какъ: *имъ*, *чита* и т. под., еще болѣе при *ша* (церк.-слав. *ша*), въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа: для послѣдовательности привычнаго *ть* слѣдовало бы непремѣнно ожидать ея и здѣсь. Что-то не такъ. Во-вторыхъ, или формы *шеть* и *хуть* составились такъ условно, внѣ жизни въ народѣ, подъ перомъ древнѣйшихъ писателей русскихъ, въ сочиненіяхъ оригинальныхъ русскихъ; то какъ же объяснить ихъ въ памятникахъ церковнославянскихъ, писанныхъ русскими переписчиками, въ XI вѣкѣ, слѣдовательно, въ первое время, когда только что эта письменность появилась въ Россіи. Вѣдь для того, чтобы заимствовать форму, измѣнить ее и сдѣлать общераспространенною, хоть въ письменности, необходимо достаточное время; а между тѣмъ, *шеть* и *хуть* являются въ первыхъ русскихъ спискахъ съ старо-славянскихъ оригиналовъ, которые только—что успѣли познакомить Русскихъ съ языкомъ церковнославянскимъ. Еще болѣе

что-то не такъ. Въ-третьихъ, положительно невѣрно, будто сѣверные Руские только съ XII столѣтія переняли съ юга формы *шеть* и *хуть*.

Мы имѣемъ несомнѣнно русскіе списки XI вѣка новгородскихъ переписчиковъ, что очевидно опредѣляется взаимною мѣною *ч* и *ц*, въ которыхъ весьма часто попадается приставка *ть*; привожу пока въ доказательство Минею XI столѣтія, хранящуюся въ императорской публичной библіотекѣ, гдѣ читаемъ: ***видашеться***, ***благоухъ нашеться***, ***прѣдъобразовашеться***, **и мн. др. Не доказываетъ-ли, напротивъ, это** отрицательное объясненіе того, что окончанія *шеть* и *хуть* суть чисто народныя русскія, а что, слѣдовательно, народнымъ было и прошедшее на *хъ*, какъ было оно во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, есть и теперь еще въ нарѣчіяхъ: болгарскомъ, сербскомъ хорутанскомъ и лужицкомъ, и забылось на Руси также, какъ забылось оно въ нарѣчіи хорватскомъ, польскомъ и чешскомъ, кромѣ формы *bych*. Тогда и окончаніе *ть* становится уже не воображаемымъ, мечтательнымъ прибавкомъ, а остаткомъ, отъ глубокой древности, окончанія 3-го лица и въ прошедшемъ времени, необходимо существовавшемъ въ предавнюю старину во всѣхъ языкахъ отрасли индоевропейской, сберегшимся и въ старославянскомъ нарѣчіи въ отрывкахъ, какъ показываютъ: *бысть*, *повить*, начать, принать и др., и только погибшимъ издавна во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, кромѣ русскаго. И мы смѣло относимъ эти формы къ числу отличительныхъ признаковъ древняго языка русскаго, на ряду съ *ж*, *ч*, полногласіемъ и такъ д., сравнительно съ остальными родственными нарѣчіями славянскими.—Не менѣе страннымъ, натянутымъ и несправедливымъ представляется объясненіе и звуковъ церковнословянскихъ *жд*, млр. *дж* и общерусскаго *ж*, на стр. 98—99 въ письмѣ четвертомъ. Силясь видѣть въ малорусскомъ нарѣчіи все древнѣйшимъ, г. Максимовичъ, показавши, по своему разумѣнію, какимъ путемъ изъ кореннаго *д* являются приведенные только-что звуки, продолжаетъ: «языкъ южно-русскій въ своемъ произношеніи удерживаетъ первобытный звукъ *дж* и въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, напримѣръ: *джерло* — *жерело*, *жерло*, *джбанъ* — *жбанъ* Такъ и въ санскритскомъ *джани* — *жона*, *жена*; *джива* — *жизнь*, и проч.» Эту первобытность звука *дж*, выводитъ онъ и примѣромъ, какъ «изъ корня *ход*, съ прибавкою глагольнаго окончанія *жу*, выходитъ *ходжу*, какъ и теперь еще говоритъ южно-русскій народъ во многихъ мѣстахъ Украины и Червоной Руси.» По нашему же крайнему убѣжденію

во 1) ни *жд*, ни *дж*, еще менѣе *ж* не суть первобытные звуки. Смягченіе простыхъ звуковъ, посредствомъ сочтанія съ звукомъ другимъ, есть и было всегда явленіемъ позднѣйшимъ, сравнительно съ смягченіемъ непосредственнымъ.—Какъ звукъ *д*, такъ и *т*, въ языкахъ древнѣйшаго вида, ограничивались при смягченіи йотированіемъ; это мы видимъ въ древне-нѣмецкомъ, латинскомъ, греческомъ и санскритскомъ; за этимъ, послѣдовало соединеніе двухъ звуковъ, изъ которыхъ одинъ сохранилъ звукъ коренной; это мы находимъ въ языкахъ: пракритскомъ, литовскомъ и въ славянскомъ; наконецъ, сдѣлался ненужнымъ вовсе коренной звукъ въ звукѣ двусложномъ, какъ въ нарѣчіи русскомъ, чешскомъ, лужицкомъ. Такимъ образомъ, первобытнымъ звукомъ отъ смягченія *д* будетъ всетаки *д* (*дь*, *дi*), а *дж* уже вторичнаго образованія, наравнѣ съ оборотнымъ церковнославянскимъ *жд* или польскимъ *дз*. То же происходило и съ звуками гортанными, *г*, *к*, причемъ и самый санскритскій языкъ обнаружилъ уже и развилъ посредственную ихъ смягченность въ *дж* и *ч*. Во 2) въ словахъ: *джерело* и *джбанъ* *дж* никоимъ образомъ не произошло отъ *д*, а приставлено произношеніемъ къ *ж*, также точно какъ приставляютъ его малороссіяне и къ з: *дзеркало*, *дзерно*, *дзвинъ*, *дзюрчать* и т. п. Равно не справедливо и сближеніе малорусскаго *дж*, происшедшаго отъ *д*, съ санскритскимъ *дж*, въ словахъ *джани* и *джива*: и въ томъ и другомъ *дж* образовалось изъ кореннаго г (=g), на что, между прочимъ, прямо указываетъ греческое γυνη, γενω γιγνω. Это коренное *г* не рѣдко, въ санскритѣ, и возвращается въ формахъ, хотя послѣднія уже и образуются отъ вторичнаго корня, гдѣ является *дж*. Такъ, отъ *magg* погружать, причастіе *magna*, отъ, *vigg*—возмущать,—*vigna* и др.—Вообще, намъ очень жалко, что г. Максимовичъ не обратилъ на это строгаго вниманія. Оно освѣтило-бы передъ нимъ различіе въ церковно-слав. языкѣ *жд* отъ *д* и *жд* отъ *г* и дало-бы поводъ опредѣлить причину приставки *д*, въ малорусскомъ нарѣчіи, передъ *ж*, какъ въ словахъ: *джерело*, *джбанъ* и т. д., вѣдь, и въ этой приставкѣ должна быть законная причина. случайностей, съ вѣтру, въ языкѣ не бываетъ. Г. Максимовичъ увидѣлъ-бы ясно, что и тутъ не приставное *д* къ *ж*, а двойный звукъ *дж*, образовавшійся изъ кореннаго *г* (*горло, гну, гибать*, отсюда *жбанъ* въ рус., *джбанъ* м. рус. Смѣемъ думать и быть даже увѣреннымъ, что таково же происхожденіе и *д* при *з*, въ словахъ *дзеркало*, *дзвинъ* и т. п. Относительно глагольнаго окончанія *жу*, въ настоящемъ *ходжу*, я не

говорю въ 3), потому что скорѣе признаю въ этомъ опечатку, не допуская даже обмолвки или описки подъ рукою г. Максимовича.

Этимъ я прекращаю замѣтки о частностяхъ г. Максимовича, хотя бы ихъ можно было и удвоить, а съ тѣмъ вмѣстѣ прерываю и вообще свои замѣчанія, вызванныя его письмами къ г. Погодину. Не измѣнивши ни мало своего мнѣнія вслѣдствіе этихъ писемъ, напротивъ, еще болѣе укрѣпившись черезъ нихъ въ прежнемъ своемъ положеніи, что малорусское нарѣчіе, дѣйствительно, ничѣмъ не выразило себя въ древней письменности русской, что на югѣ Россіи въ древности рѣшительно не видно и не было такого отдѣльнаго нарѣчія отъ языка сѣвернаго, какое существуетъ теперь, я тѣмъ не менѣе не могу не желать и, если смѣю, просить, чтобы г. Максимовичъ подвергнулъ вопросъ этотъ новому обслѣдованію и представилъ болѣе вѣрныя, справедливыя и прочныя доказательства своего убѣжденія, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, бездоказательнаго.

П. Лавровскій.

Харьковъ, 8 декабря,
1856 г.